Владимир. 10.02.97

Уважаемый Альфред Петрович!

Я Вам очень признателен за присланную книгу, которая, по счастью, не затерялась в дороге, хотя была довольно долго в пути. Разумеется, я ее тут же прочел, притом с большим интересом, поскольку в ней собран обширный фактический материал по миграции немцев в Россию.

Поскольку мои предки были меннонитами, естественно, информация по ним вызвала повышенный интерес, и, надо сказать, во многом расширила и уточнила мои довольно общие сведения по данному вопросу.

Что касается наших с Вами встреч в Москве, у меня осталось аналогичное Вашему чувство неудовлетворенности от невозможности без случайных лиц поговорить о том, что интересует. Но, может, судьба еще сведет нас, и мы сумеем восполнить этот пробел. А пока можно хотя бы изредка обмениваться письменно информацией.

У меня идет полным ходом подготовка к выставке в Петербурге, в Русском музее. Уже более или менее определился срок, время открытия — 2 апреля. С каталогом сложности, печать хуже пока, чем при первом издании, но обещали исправить. Я был бы рад видеть Вас на выставке. Жаль, что это нереально. Увы!

Ваш Пётр Дик.

08.10.97

Дорогой Альфред Петрович, здравствуйте!

Сообщаю, что письмо Ваше получил еще весной, а нынче уже осень на дворе. Льет дождь, деревья стоят в золотом убранстве — последняя вспышка перед увяданием. Грустно, несмотря на все великолепие. Хочу сразу ответить на Ваш вопрос: откуда пришло признание моего творчества? Думаю, это связано с приобретением моих работ крупнейшими музеями в первую очередь, а не с зарубежными выставками, которые к тому же и позже состоялись. Главное, наверно, в том, что я никогда не изменял своему творческому призванию и не шел на компромиссы, чего бы мне это ни стоило. А было всякое, когда зональные выставкомы, навесив мне ярлык «глобального трагизма», не принимали на выставки, и т.д. и т.п.

Просто не хочется вспоминать об этом. Но я выдержал и остался самим собой. Однако признание и известность — явления призрачные и неустойчивые, не стоит об этом забывать. Не зря же Пушкин обронил: «...хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца».

Как жаль, что мы все так разбросаны. Не только Вы, но и я, увы. Не видел ни одной Вашей работы в оригинале. Если судьбе будет угодно, и моя выставка в Барнауле состоится, восполним этот пробел.

...Моя выставка в Санкт-Петербурге прошла успешно. Впервые я сам доволен тем, как ее устроили и как она прошла. На днях мне прислали еще статью из газеты «Невское время» об этой выставке, появившейся уже после ее закрытия. Я и не знал об этом. Хорошая статья.

Как Ваши дела? Как живется не спрашиваю (наивно), но работать хоть удается?

Ваш Пётр.

12.02.98

Дорогой Альфред Петрович!

Я рад Вашему письму. Оно свидетельствует, что Вы, слава Богу, живы, творчески активны и надеетесь на элементарное внимание и справедливость по отношению к себе, своему творчеству. И это более чем понятно. Думаю, что намеченная у Вас выставка состоится, учитывая, как я понял, повышенный интерес искусствоведов художественного музея к Вашему творчеству. Возможно, будет издан буклетик? Или это проблематично? Во всяком случае, мне будет интересно узнать подробности о выставке, если она состоится.

Что касается проектов выставочной деятельности «Международного союза немецкой культуры», то я ничего определенного сказать не могу. Во-первых, я практически не встречался с мая прошлого года с Мартенсом. Во-вторых, после образования культурной автономии российских немцев Генрих Генрихович оказался министром без портфеля после распределения этих самых портфелей. Банальная истина. Тот, кто практически делал то, что мог для возрождения культуры российских немцев, тому вообще не нашлось места в руководстве этой провозглашенной автономии. Впрочем, без дела он не останется.

Что касается меня, то я ужасно не люблю всякого рода «тусовки», естественно, дистанцируюсь от них.

Есть у меня для Вас новость, которую, думаю, и господин Г. Мартенс пока не знает. Цикл моих работ «Человек и мир» выдвинут на соискание Госпремии России в области литературы и искусства за 1997 год. Более того, я уже прошел первый тур и допущен к претендентской выставке, которая состоится в Государственной Третьяковской галерее в начале апреля. Однако у меня абсолютно никаких иллюзий... Слишком много «первых», но поскольку допущен, то начал готовиться. Цикл состоит из восемнадцати работ, и сейчас предстоит решить вопрос оформления и транспортировки, чем я и занят.

Высылаю по Вашей просьбе статью из «Невского времени» и «Вечернего Новосибирска». Кстати, Альфред, если интересно, можете у К. Петкау взять журнал «Наше наследие» с моей публикацией и посмотреть.

Всего Вам доброго. Ваш Пётр.

29.06.98

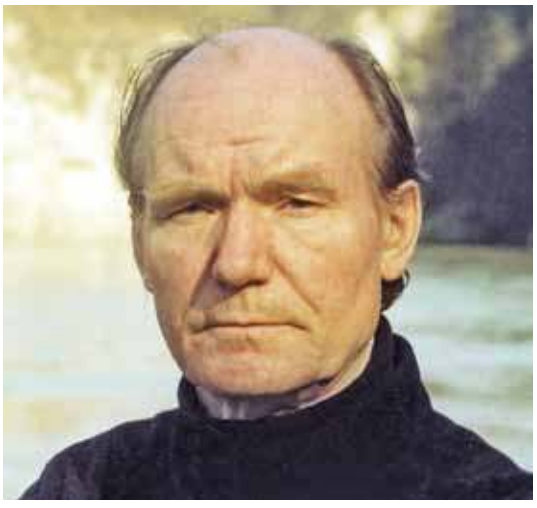
Дорогой Альфред Петрович! Здравствуйте!

Это первое и главное, что мне хотелось Вам пожелать.

...Что касается меня и моих дел, то пока работоспособен, грех жаловаться. Недавно завершилась в Третьяковке выставка на Госпремию. Меня успешно прокатили. Впрочем, я с самого начала не питал ни малейших

Альфред Петрович Фризен
родился в 1929 году в г. Уфа.
В 1934 году семья переехала в г. Рубцовск.
С 1982 года живет и работает в Барнауле.
Член Союза художников России

Альфред Фризен



Пётр Дик

иллюзий. Как мне сказал полушутя директор выставки, что ее (премию) распределили еще до выставки.

И все же я очень доволен своим участием на этой выставке. Кто бы что бы ни говорил, там все видно, кто есть кто. Работы (их было пятнадцать) хорошо прозвучали, об этом свидетельствуют не только друзья, но и просто знакомые и коллеги-художники.

Кстати, вспомнил, Вы упомянули в своем письме, что у Вас друзья в основном среди русских. У меня тоже. Друзей, как известно, не выбирают, тем более по национальному признаку.

...А впереди грядут сплошные испытания. Сами видите, что творится в стране. Но у нас с Вами нет другого выбора, кроме как заниматься своим делом. «В музыке генералов нет, мы все солдаты музыки» — эти слова Шостаковича относятся и к искусству.

Здоровья и творческого долголетия Вам. Ваш Пётр.

15.12.2001

Дорогой Альфред Петрович, позвольте поздравить Вас с наступающими праздниками Рождества Христова и Нового года! Желаю здоровья, благополучия и творческих радостей в наступающем году.

Я, к сожалению, пока не могу выбраться в Москву и выполнить вашу просьбу с галереей «Л.О.». Как Вы понимаете, это не телефонный разговор, нужна встреча со С., ее пока не было. При первой возможности я это сделаю, однако мне хотелось бы Вас предупредить о том, с чем Вы неизбежно столкнетесь, сотрудничая с ними, а там сами решите, как поступить. То, что Вы видели и слышали в Новосибирске, — это лицевая сторона медали, оборотная — состоит в том, что эта галерея берет очень большие проценты с продажи работ. Я получаю менее одной трети суммы с проданной работы, да и то с многомесячными задержками. Я прекрасно понимаю, что им надо тоже выживать и развивать свою деятельность, однако за рубежом я с подобными явлениями не сталкивался. Там максимум берут пятьдесят процентов, но наша реальность такова, как всегда...

По сути, художник остается один на один со своими проблемами. Хочу, кстати, сказать, что я порадовался за Вас, что Вам удалось издать приличного качества каталог. Это тем более приятно, что издан он на периферии, да и подбор работ, конечно, не случаен. Разумеется, по каталогу трудно говорить о качестве работ, и тем не менее видно основное направление проблем и интересов. Видно, что их автор не прячется за иллюзиями правдоподобия и прочими подпорками, а решает свои творческие задачи конструктивно через пространственно-пластические средства. Это честная работа, вызывающая чувство уважения к автору.

С уважением, П. Дик.

27.11.2002

Дорогой Альфред Петрович!

Уже несколько раз собиралась написать Вам письмо, но как-то тяжело было начать. 14 августа Петра не стало. Он получил стипендию на три месяца в Ворпсведе — деревне художников под Бременом. Ему очень хотелось поехать на север Германии, откуда его предки. Несколько лет говорили об этой стипендии, и вот 5 июля мы поехали. Очень красивое место, в городке 6 тысяч жителей, в каждом доме — галерея и кафе. Четыре прекрасных музея. В конце XIX века здесь поселились несколько семей художников, одним из активных организаторов был художник-архитектор Фогелер, он построил дом, разбил сад. В его имении Barkehhoff сейчас музей и мастерские художников, которые теперь приезжают из разных стран. В честь художников — основателей деревни художников названы улицы, прогулочные дороги в лесу. Все пропитано уважением и памятью к этим людям. И как бы на этой творческой основе теперь существует международная колония художников.

Мы прожили там полтора месяца, 16 августа должна была открыться выставка Петра, а 14 августа его не стало. Все было столь неожиданно. Он хорошо себя чувствовал, много работал. 14 августа утром должен был давать интервью в связи с открытием выставки.

Я готовила завтрак, он брился, и вдруг я слышу из соседней комнаты: «Кира, я, наверное, никуда не пойду». Я вбежала в комнату, он без сознания лежал на кровати. Врачи сказали: глубокий тромб в затылочной части. Совещались с институтом нейрохирургии в Бремене. Операция при таком глубоком тромбе затруднительна. В это же день без пяти двенадцать ночи его не стало. Я до сих пор не могу поверить, что он ушел навсегда. Без него открывали выставку...

18 октября в Доме художника в Москве состоялся вечер его памяти. 6 декабря открывается его выставка в музее в Нижнем Новгороде. Эта выставка планировалась еще при жизни Петра, а готовить ее пришлось мне одной.

P.S. Я думаю, с каким интересом прочитал Пётр присланную Вами статью из газеты.

С уважением, Кира Сергеевна.

Подготовила к печати Лариса Вигандт.